

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

КЛЯНУСЬ ОТОМСТИТЬ

Сергей Майдуков

Клянусь отомстить

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2017

УДК 821.161.1(477)

Майдуков С.

Клянусь отомстить / С. Майдуков — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

ISBN 978-617-12-4489-4

Евгений Артемов поклялся расквитаться с извергами, которые сожгли заживо его родителей в их собственном доме. Для этого он знакомится с Юрием Ярышниковым – настоящим бойцом. Юрий работает на роковую красотку, бизнес-леди Ангелину. Девушка потеряла любимого дедушку – его убили те же преступники ради земельного участка. Молодые люди начинают отчаянную борьбу, но вскоре Евгений и Юрий оба влюбляются в Ангелину. Бывшие союзники становятся соперниками, а ведь их противники – влиятельные и опасные люди. Евгений знает, что не имеет права погибнуть, пока не отомстит...

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-617-12-4489-4

© Майдуков С., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2017

Содержание

Сергей Майдуков	5
Дело житейское	6
Мирная инициатива	11
Добро с кулаками	15
Разборки на «Олимпе»	20
Ночные новости	25
Услуга за услугу	29
Горек дым сигарет...	33
Временно недоступна	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Майдуков

Клянусь отомстить

© Майдуков С. Г., 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018

* * *

Дело житейское

– Не может быть! Мне это снится? Я сплю?

Пашка Кандыбин потер кулаками глаза, потом снова посмотрел на землю перед собой. Нет, видение не исчезло: большущая бутылка водки по-прежнему лежала там, где Пашка ее увидел: на тропинке, ведущей к уборной в дальнем конце огорода. С одной стороны – буйные укропные джунгли, с другой – рядки подвязанных помидоров, посередине эта самая бутылка.

Откуда она взялась?

Пашка задрал голову к чистому утреннему небу, словно надеясь увидеть там ангела или даже самого Господа Бога, услышавшего его страстные молитвы. Чтобы не помереть, Пашке было необходимо похмелиться, а похмеляться было ровным счетом нечем и не за что.

Если бы не находка.

Только бы водка оказалась настоящей! Не миражом и не бутылкой с водой, заброшенной на огород шутки ради.

Настороженно осмотревшись, Пашка сделал несколько шагов вперед и опустился на колени. Золотистый колпачок держался прочно, стекло на ощупь было холодным и чуть влажным от росы, как будто бутылка пролежала здесь всю ночь.

Откуда же она взялась? Не с неба же, в самом деле, свалилась?

Решив обдумать это позже, Пашка подхватил бутылку и потрусил с нею через узкую калитку за ограду. Опасливый взгляд, брошенный на дом, показал, что слежка из окон не ведется, и все же бдительность терять нельзя. Если Надюха его засечет, праздник будет испорчен решительно и бесповоротно.

Уединившись на прогалине между зарослями камыша и непролазными кустами шиповника, Пашка мигом свернул бутылке головку и стал пить, поднеся горлышко к жадно открытому рту. Стакана под рукой не было, а лилось плохо по причине дурацкой пластмассовой затычки с дырочкой, но мужчины на то и мужчины, чтобы стойко терпеть лишения и преодолевать трудности. Почти не скривившись, Пашка влил в себя грамм сто пятьдесят и жарко задышал, переводя дух.

В зеленом убежище близ озера было безопасно и уютно, как в каком-нибудь партизанском схроне. Ни жена, ни дочка сюда не сунутся, соседи тоже, да и заезжие рыбаки по кустам шнырять не станут, нечего им тут делать.

Расслабившись, Пашка привстал, чтобы достать из кармана старинных «вареных» джинсов мятую сигаретную пачку. Сунул в рот запасливо сохраненный окурочок, чиркнул спичкой, с наслаждением затянулся. Дальше пошло по накатанной дорожке: водка с сигаретным дымом вперемешку. Полчаса спустя Пашка уже полулежал в позе римского патриция, которым, конечно же, никогда не был ни в одном из своих предыдущих воплощений. Еще через час он опустил отяжелевшую голову на руку и забылся крепким дневным сном.

Ему ничего не снилось. Время томительных предрассветных кошмаров отступило до завтрашнего утра, а сегодня можно было расслабиться и ни о чем плохом не думать.

Вообще не думать.

Идеальное состояние.

Вот Пашкина супруга, которую, как уже упоминалось выше, звали Надеждой, та постоянно ломала голову над проблемами, подбрасываемыми жизнью, большими и маленькими. То у нее что-нибудь сломается, то закончится, то денег не хватает, а чаще все сразу. Тем не менее дом Надежда продавать отказалась наотрез: уж слишком низкую цену предлагали, просто смехотворную.

Городская квартира у Кандыбиных имелась, но вместе с родителями и старшим сыном там было тесновато, так что на лето супруги с девятилетней дочерью выбирались за город,

в дачный поселок, прозывающийся в народе то ли Грешками, то ли Гришками, на слух не разберешь, а в официальных документах название писалось совсем даже иначе: садоводческо-жилищный кооператив «Металлург», вот так и никак иначе.

Несмотря на неказистое название, дачный поселок был возведен в месте поистине райском. Отъезжаешь каких-нибудь пять километров за городскую черту и переносишься на самое настоящее лоно природы, густо поросшее зеленью. Тут тебе и большущее озеро с карпами и родниками, бьющими из песчаного дна, и сосновый бор вокруг, и гряда меловых гор, замечательно оживляющих местный пейзаж. Чистый воздух, рыбалка, грибы, тишь да гладь, да божья благодать.

Неудивительно, что на это райское местечко положила глаз крупная компания, вознамерившаяся возвести здесь элитный поселок и наладить продажу земельных участков. Естественно, жалкие дачки и дачечки советской поры не только портили картину, но и занимали полезную площадь. С ранней весны понаехали молодые люди с вежливыми лицами, стали скупать участки. К Кандыбиным тоже подкатывали, но деньги предлагали до того смешные, что даже Пашка не клюнул. «Не продадим, – заявил гордо. – Или цену нормальную предлагайте, или идите лесом. Вон он, по-над дорогой, видите?»

А вот семья Рыбальских, с которой Кандыбины были столь дружны, что даже забором не отгораживались, дачу продали. Пашка стал допытываться у Витька, за сколько да почему. А тот насутился, желваки погонял на скулах и буркнул: «Надо так. Тебе тоже советую не упираться».

Больше от него добиться ничего не удалось, как Пашка ни наседал. Так и съехали Рыбальские, бросив нехитрые пожитки, огородный инвентарь и утварь. Перед отбытием Витек два пузыря выставил, так Пашка с того дня не просыхал. Пропил заначку, Надюхин кошелек спер, а сегодняшнего утра ждал, как казни, потому что деньги кончились и взять было негде. А тут подарок судьбы емкостью семьсот пятьдесят! Есть все-таки Бог, есть!

Очнувшись, Пашка первым делом допил водку, а потом принялся докуривать две последние сигаретины, сжигая их мелкими, экономными затяжками.

Может, и в самом деле продать дачу? Нет, глупо. Деньги все равно Надюха приберет и спрячет, а без дачи придется круглый год в квартире на головах друг у друга сидеть. Там и выпить не дадут как следует. Не спрячешься, не отлежишься, везде достанут. Нет уж, нам самим дачурка пригодится.

Пашка сплюнул, проделав это независимо и гордо. Точно так же, как сделал это, когда окончательно послал подальше лощенного парнишку с папочкой.

– Не продается, понял ты? – заорал он, разогретый спиртовыми парами. – Ты что, тупой? Сколько раз тебе говорить? Вали отсюда.

– Хорошо, я уйду, – сказал лощенный. – Но вы пожалеете.

В словах его чудилась угроза, настолько реальная и ощутимая, что Пашка даже протрезвел немного. Но тут на голоса выскочила Надюха, взвинченная и почти что невменяемая, как всегда, когда Пашка выходил из подчинения. От ее воплей лощенный чуть ли не бегом припустил к своей иномарке, только его и видели...

Вот бы найти его и сговориться так, чтобы деньги через рабочие Пашкины руки прошли, а Надюха про сделку раньше времени не узнала. Тогда можно было бы снять квартиру, занести туда пару ящиков водяры и пожить в свое удовольствие, как человеку. Но деньги ведь кончатся, причем скорее раньше, чем позже, это даже проспиртованные Пашкины мозги понимали. Вот и оставалось смириться.

Пашка тупо посмотрел на последний окурок, дотлевающий в пальцах. Смириться не хотелось. Это означало возвращаться домой с повинной и очень большой головой. Два, три, а то и четыре дня Надюха будет пилить заживо, прерываясь только на сон и посещение туалета. Бу-бу-бу, ба-ба-ба, бе-бе-бе. А рефреном будет звучать: «Алкаш проклятый!» А Пашка будет

под эту музыкачку вкалывать с утра до вечера. И страдальчески заглядывать в глаза дочурки: простила ли?

Эх, оттянуть бы эту каторгу!

Выбравшись из кустов, Пашка не стал отряхиваться от сухих веточек и паутины, а, как был, побрел по тропке, ведущей вдоль озера. Возвращаться домой отчаянно не хотелось. Уж лучше потом, когда хмель окончательно выветрится. Только надолго ли хватит выпитого? Час, два, три, а потом все сначала: похмелье, смертная тоска, ночные кошмары, визгливый голос жены, сверлящий мозг. Хоть в петлю!

Стоя на прогалине, Пашка безнадежно пошарил по карманам, прекрасно зная, что не выудит оттуда ни мятой купюры, ни даже сигареты.

– Хреново тебе, друг?

Голос, раздавшийся за спиной, прозвучал весело, но без издевки, а даже с некоторым участием. Медленно повернувшись, Пашка прищурился, прикрывая глаза от солнца. Перед ним стоял мужчина лет тридцати, крепкий, в трикотажной рубашке с мягким воротником и короткими рукавчиками, обтягивающими бицепсы. Улыбаясь, он поглаживал бутылку с прозрачной жидкостью, которая явно не была водою.

– Нормально, – произнес Пашка хрипло, глядя то в глаза незнакомца, то на бутылку в его руках.

Рубашечка была малиновая, с белым крокодильчиком на кармашке.

– Подлечимся? – предложил ее обладатель. – Перебрал вчера. Вот, взял лекарство, а одному неохота. Ты как?

– Я? – Пашка сглотнул. – Можно, если не шутишь.

– Тогда пошли на бережок, – сказал мужчина в малиновой рубашке. – Там нам никто не помешает.

Спустившись по пологому откосу, они расположились на деревянном помосте и свесили ноги над зеркальной гладью озера. Пахло тиной и гниющими камышами.

– О! – обрадовался неизвестный, показывая стакан, извлеченный как бы из ниоткуда. – Посуда имеется. Я себе налью, а ты из горла? Не возражаешь?

Пашка не отказался бы даже прямо с досок лакать по-собачьи. Он преданно посмотрел в глаза новому другу и принял бутылку из его больших сильных рук. Звали этого замечательного человека Мишей. Оказалось, что вчера он праздновал свой день рождения на даче, а сегодня душа требовала продолжения.

– Ну ты понимаешь, – сказал Миша.

– Понимаю, – кивнул Пашка.

Давно ему не было так хорошо. Мужская дружба – великая вещь. Женщинам этого не понять. Пашка стал доносить свою мысль до Миши, но тот перебил его:

– погоди, погоди, ты фильтром прикуриваешь. Переверни сигаретку-то. Вот так. Теперь тяни.

– Хорошие сигареты, – оценил Пашка, пуская дым не то чтобы к небу, а куда-то наискось, в ту сторону, куда голова клонилась.

Миша что-то ответил. Пашка опять что-то сказал. Так несколько раз. За разговором бутылка незаметно закончилась. Это огорчило Пашку, но не сильно. Ему срочно требовалось прилечь.

– Пойдем, друг, – сказал Миша, ставя его на ноги.

– Куда? – спросил Пашка, повернувшись на голос.

– Домой. Куда ж еще.

– Не, домой нельзя. Там Надюха.

– С ней уже уладили, не бойся, – сказал Миша.

– Что уладили? – завертелся Пашка на ходу. – Кто?

– Люди. Не будет больше на тебя наезжать, отвечаю.

– Точно?

– Точно, точно... Переставляй ноги... Вот так...

Возле калитки Пашка уперся:

– В таком виде нельзя. Катя смотреть станет. Это дочь моя, Катенька. Стыдно перед ней.

– Ты мужик или нет? Вот, хлебни еще для храбрости.

Перед мутнеющим взором возникла плоская бутылочка с предусмотрительно снятой крышкой.

– Коньяк, – определил Пашка.

– Вискарь, – поправил Миша. – Глотай. Конфетку жуй. Пошли дальше.

Огород сделался просто огромным, а тропинка между грядками, обычно прямая, теперь петляла из стороны в сторону, как будто стараясь запутать Пашку, вымотать, свалить в картофельную ботву или в кусты крыжовника. Он заставлял себя делать шаг за шагом. Рядом сосредоточенно сопел Миша, перебросивший вялую Пашкину руку через шею. Он не бросал друга. Тащил его на себе, как это делают бойцы в хороших фильмах про войну. Выносил с поля боя раненого.

– Бо... – бормотал Пашка. – Во... Ты...

– Само собой, – согласился Миша. – Все, приплыли. Возьми-ка.

Перед глазами раскачивались ступеньки кафельного крыльца. Пластмассовый коврик съехал в сторону, открывая взору накопившийся сор. А больше Пашка не видел ничего. Его зрение как бы сузилось, словно он смотрел перед собой в трубу. На что направишь, на то и смотришь. Только вот предмет, протянутый Мишей, разглядеть толком не удавалось. Это все из-за тряпки, в которую предмет был замотан.

– Что это? – спросил Пашка. Вернее, озвучил вопрос подходящими звуками.

– Бери, бери, – сказал Миша, развернув материю.

Она была перепачкана красным. Топор, находившийся внутри, тоже.

– Что за херня? – удивился Пашка. – О... а... хххх...?

Топор пришлось взять. Ладонь сразу приклеилась к топористицу, не отнять. Миша перевел Пашку через порог и сильно толкнул в спину. Движение по заданной траектории было стремительным и коротким, как полет метеора, сгорающего в земной атмосфере. Пашка, приседая на ходу, сделал несколько шагов на мягких ногах, врезался в составленные пирамидой шкафчики и рухнул вместе с ними.

Что-то грохотало, звякало, било и раскатывалось. Это длилось достаточно долго. Перед слабеющим мысленным взором Пашки возникло лицо Надюхи, выкрикивающей всякие ругательные слова.

«Спрятаться, – подумал он. – Спрятаться, чтобы не нашла».

Примерно так.

Встав на четвереньки, Пашка бойко пополз в соседнюю комнату, решив, что ему необходимо забраться на кровать и укрыться с головой одеялом. Лезвие топора лязгало об пол, вторя движениям правой руки.

Путь к лежбищу преграждали две пары ног, разбросанных по полу как попало. Одна в тапочке, еще одна босая, две остальные в гольфах. Все четыре были забрызганы красным, как и пол вокруг.

– Надя, – тупо позвал Пашка. – Катя?

Н-на... К-ка...

Женщины его не слышали. Продолжали лежать, как лежали, перепачканные кровью с головы до ног, особенно с головы. На Пашкин голос отреагировал только Миша. Осторожно приблизившись, он огрел Пашку сковородкой по темечку. Окровавленные тела и пол сразу исчезли из Пашкиного поля зрения, и это принесло невероятное облегчение.

Ничего не стало. Пашки тоже как будто не стало, хотя он вроде бы как лежал там, где его свалил удар. Рядом валялся топор, лезвие которого было облеплено красными волосами. Комната выглядела так, словно в ней буйствовал свихнувшийся мясник.

Молодой человек, представившийся Мишей, достал мобильный телефон и вызвал полицию.

– Убийство на бытовой почве, – сказал он. – Двойное. Житель дачного поселка «Металлург» напился и зарубил топором свою семью. Кандыбин его фамилия. Четвертый дом по Первой Садовой улице. Нет, не сбежал. Лежит пьяный. Нет, не представляюсь. Я не буду выступать в качестве свидетеля. Опасаюсь мести преступника.

Оборвав разговор, молодой человек выковырнул из телефона чип-карту, заменил ее другой и набрал другой номер.

– Уходим, – негромко сказал он. – Порядок. Все отдыхают.

Еще раз окинув придирчивым взглядом жилище, он направился к выходу. Его лицо сохраняло полнейшую невозмутимость, словно все, что тут произошло, было для него делом совершенно обычным.

Мирная инициатива

– Сука! – прошипел Кораблев, после чего добавил еще несколько слов различной степени грубости.

Чтобы не возмущать поборников нравственности, отметим, что краткая тирада Кораблева могла быть адресована собаке, которая пробежала слишком близко и чем-то его расстроила. Кораблев ведь находился на природе, где всякой живности хватает. На своем участке он мастерил душевую кабинку. Точнее, пытался мастерить.

В свое время Кораблев привез на дачу из родного НИИ двенадцать дюралевых шкафов от электронно-вычислительной техники, благополучно списанной и растащенной на цветные металлы. В разобранном виде они никому не мешали и вполне уместались за сараем, однако супруга Кораблева почему-то невзлюбила их и требовала, чтобы этот хлам, как она выражалась, был убран.

Всеволод Валентинович Кораблев, человек бережливый и хозяйственный, такому разбазариванию добра противился. Доказывая пользу дюралевых пластин, он две из них использовал в качестве продолжения дорожки к уборной, а еще четырьмя накрыл крышу протекающего сарая. Тем не менее материала оставалось еще вполне достаточно, как и простора для полета фантазии, так что Кораблев занялся делом.

Проект продвигался тяжело и медленно. Уже дважды удавалось скрепить стены кабинки болтами с гайками, водрузить на специальную раму с ножками, но ее то перекашивало, то дверь отваливалась, а то вся конструкция разваливалась, грозя создателю увечьями различной степени тяжести.

Кораблева все чаще навевалась на место работ и нервировала мужа своими саркастическими и, главное, некомпетентными замечаниями.

– Брось ты это старье, Сева, – говорила она, морщась. – Ну что ты возишься со своей рухлядью? Купим лучше готовую кабину, новую, легкую.

– Зачем выбрасывать деньги на ветер? У меня что, рук нет?

– Руки-то есть, да только...

Жена деликатно замолчала, не желая травмировать мужа своим видением того, какие именно у него руки и откуда они растут. Но тут Кораблев взбеленился, потому что ему и прежде приходилось слышать разные обидные высказывания по этому поводу.

– Что «только», что «только»? – кипел он. – Да я эту дачу сам по кирпичику, по досточке собрал. Мне кабинку собрать – плевое дело. Просто тут отверстия неправильно просверлены. Перекос получается, видишь? – Нагнувшись, он принялся громыхать рассыпавшимися панелями. – Возьму дрель, просверлю новые дырки, и будет лучше магазинной.

– Но раньше ведь эти шкафчики как-то держались, – возразила жена.

Резон в ее словах присутствовал, а потому Кораблев разнервничался еще сильнее.

– Ра-аньше, – передразнил он. – Ты еще цены прежние вспомни. Раньше много чего было. Я лабораторией заведовал, и мы могли себе позволить каждый год на юг выезжать. А теперь дальше дачи не сунешься, цены кусаются. – Выпрямившись, он пнул ни в чем не повинную дюралевую боковину. – Горбатишься, горбатишься, а вместо благодарности одна критика.

– Я не критикую, – поспешила заверить его супруга. После чего совсем непоследовательно добавила: – Твою конструкцию, даже если получится, потом ведь разбирать придется. Опять целый день промучаешься. Я тебя сколько прошу виноград подвязать, а ты со своим мавзолеем возишься.

Кораблев недоумевающе посмотрел на нее.

– Зачем разбирать?

– Так ведь утянут же и на металлолом сдадут.

Кораблев нахмурился. Опять жена была права, однако дух противоречия не позволял сдаться так просто. Он хотел сказать, что обошьет кабину фанерой и покрасит, чтобы замаскировать наличие алюминиевого сплава, но не успел. Во двор вошел незнакомый подросток лет четырнадцати. Остановился у входа и уставился на Кораблевых наглыми выпуклыми глазами.

– Тебе чего? – нелюбезно спросила жена, недолюбливавшая всех тинейджеров сразу. – Ищешь кого?

– Вас, – сказал парнишка.

– И чего тебе надо? – вмешался Кораблев, который тоже с подозрением относился к молодому поколению, от которого ничего хорошего не ожидал.

– К вам люди приходили, – сказал парнишка.

Он был в шортах, драной футболке и кепке, нахлобученной козырьком назад.

«Пугало огородное», – подумал Кораблев, медленно выдвигаясь вперед.

– Какие люди? – спросил он.

– Насчет продажи участка, – был ответ.

– И что? – насторожилась Кораблева, следуя в фарватере мужа.

– Они интересуются, когда вы бумаги подпишете, – сказал тинейджер.

– Твое какое собачье дело? – совсем уже грубо спросил Кораблев.

– Меня прислали узнать.

– Ты этот, риелтор? – язвительно осведомилась Кораблева. – Бизнесмен малолетний?

Слово «риелтор» заканчивалось у нее слогом «ер», а «бизнесмен» произносился с мягким знаком в середине, придавая термину пренебрежительный оттенок.

– Я посол, – представился лупоглазый отрок, уточнив: – С мирной инициативой пришел.

Солнце шпарило вовсю, но у Кораблева внезапно похолодела спина. Как будто обильный пот испарялся на ветру, хотя ветра никакого не было. Стрекотали невидимые кузнечики, гудели пчелы. Во дворе четы Кораблевых стоял малолетний пришелец и нахально пялился на них, будто знал нечто такое, чего не знали они.

Он внушал Кораблеву смешанные чувства. Страх и отвращение, как при взгляде на крысу, прихлопнуть которую хочется и страшно одновременно. Нельзя только позволить ей безнаказанно пялиться на тебя.

Неожиданно сорвавшись с места, Кораблев бросился к подростку. Но тот был начеку. Как только возникла опасность быть схваченным, он выскочил из двора и оседлал велосипед, ожидавший его снаружи.

– Сейчас уеду! – предупредил несовершеннолетний «посол» в бейсболке козырьком назад. – Ищите тогда его сами.

– Кого?

Собственный голос показался Кораблеву сдавленным карканьем. Жена стояла в шаге за его спиной, неотрывно глядя на пареньку сквозь сетку-рабицу. Одна его нога была готова в любое мгновение оттолкнуться от земли, вторая предусмотрительно стояла на педали. Чтобы схватить его, потребовалось бы выскочить наружу и резко повернуть направо. Кораблев сомневался, что успеет совершить такой бросок. Приходилось стоять на месте и разговаривать через ограду.

– Кого? – повторила жена вопрос.

Мелодично и звонко, как будто она не просто помолодела, а превратилась в девчонку.

– Сами знаете, – отрезал подросток.

Он настороженно следил за действиями супругов.

– Не знаем, – сказал Кораблев. – О ком ты говоришь?

Кого он хотел обмануть? Наверное, в первую очередь самого себя. Он уже догадался, что речь идет о внуке. Олечки в палисаднике не было. Там еще в прошлом году Кораблев вывалил кучу песка для строительных нужд, но внук нашел ей иное применение. Насыпь превратилась в

любимое место для игр. В песке зияло множество нор и соединяющихся ходов, вокруг валялись пластмассовые игрушки, а сам Олежка отсутствовал.

Это было ужасно эгоистично, но в эти секунды Кораблев подумал не о судьбе четырехлетнего мальчика, а о своей собственной. Как он сможет жить дальше? Чем залечит незаживающую рану ужасной потери? Как осмелится смотреть в глаза детям, доверившим ему единственного сыночка? Не углядел. Не уберег. Оставил Олежку одного, понадеявшись на то, что в дачном поселке, где все на виду и знают друг друга, малыш в безопасности. Но в тихом омуте черти водятся. И вот один из них прямо перед глазами. Чертенок. От него сейчас зависит будущее всей семьи Кораблевых.

– Короче так, – заявил подросток, не забывая бросать быстрые настороженные взгляды по сторонам. – Пацаненок ваш потерялся, как вы сами видите.

– Олежка! – жалобно вскрикнула Кораблева, хватаясь обеими руками за сердце. – О...

Она уже набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать по-настоящему, но парнишка на велосипеде поспешил предупредить:

– Шум поднимете, я смоюсь. И тогда ищите сами своего клопа.

– Ты знаешь, где он, – проговорил Кораблев. – Знаешь, да? Говори. Не молчи, пожалуйста. Чего ты хочешь? Денег? Сколько?

Вопрос застал подростка врасплох. По его лицу словно рябь побежала, отображая напряженный мыслительный процесс, происходящий внутри. Некоторое время казалось, что он сейчас потребует от Кораблевых принести всю имеющуюся у них наличность, но какое-то соображение мешало ему так поступить. И оно победило, потому что парнишка заявил:

– Не надо мне ваших денег. А если хотите, чтобы пацаненок нашелся...

– Что? – спросили Кораблевы одновременно.

Во взгляде гонца и до этого читалось полнейшее презрение к обоим, но теперь к нему примешалось выражение некоторого сочувствия.

– Подписывайте, что вам говорят, – процедил он, сканируя взглядом двор и окрестности. – Дом продавайте и живите себе дальше.

– Мы подпишем, – заторопилась Кораблева. – Все, что надо. Хоть прямо сейчас: документы на участок здесь. Только верните... слышите? Мальчика верните!

– Я его, что ли, забирал? – ощерился подросток. – Мне сказали, я передал.

– Мы поняли, поняли, – закивал головой Кораблев. – Передай своим, что мы согласны. Только Олежку...

Он сглотнул с такой натугой, будто горло ему перекрывал неочищенный каштан в колючей кожуре.

– Ждите, – бросил подросток сквозь металлическую сетку, оттолкнулся ногой и закрутил педали.

– Куда он?.. Догоняй!.. Уедет же!.. – запричитала Кораблева, подталкивая мужа к калитке. – Догоняй же!

– И что дальше? – вызверился он. – Поймал шкета, допустим. Дальше что? Думаешь, он знает, где Олежка? Скажет, выдумал все. Или мы на него наговариваем. Или еще что-нибудь.

Повисла пауза, продлившаяся несколько минут и еще вечность в придачу.

– Что же делать? – спросила жена, нервно перебирая складки халата всеми десятью пальцами. – Делать что?

– А нам сказали, – произнес Кораблев, чувствуя, как внезапно навалившаяся усталость так и норовит придавить его к земле. – Ждать. Сейчас кто-нибудь объявится. Дачу продавать придется.

– Да и черт с ней! Пусть хоть даром забирают. Я...

Тут Кораблева умолкла, прислушиваясь. В узкую улочку втиснулся черный автомобиль с незнакомой эмблемой на сверкающем капоте. Остановившись как раз напротив супругов,

он выпустил из тонированного нутра уже знакомого Кораблевым молодого человека в куце пиджачке и узких брючках, придающих ему современный деловой облик.

– А я снова к вам, – объявил он, помахивая кожаной папочкой, такой же лоснящейся, как ее улыбчивый обладатель. – Подумал, может, вы переменили свое решение. Я не ошибся? Как? Поговорим?

– Сначала внука верните, – зло сказал Кораблев.

– Не понял. – Молодой бизнесмен перестал улыбаться и наморщил лоб. – Какого внука? Вы о чем?

Кораблев тяжелым шагом направился к калитке:

– А я вот сейчас объясню тебе, гаденыш!..

Жена вмешалась вовремя. Поймав его за руку, оттащила и оттеснила на второй план.

– Уходи, Сева, – произнесла она сквозь зубы. – Я сама обо всем договорюсь. Зайди в дом и не возникай, ради бога. Заклинаю, Сева! Оставь нас одних.

Кораблев посмотрел на визитера, беззвучно выругался и скрылся за углом.

– Проходите, – сказала его супруга, распахивая калитку настежь. – Давайте не будем терять время. Дача продается. Мы хотим оформить все как можно быстрее.

– Рад слышать, – снова заулыбался молодой человек, заходя во двор. – Моя фамилия Летягин, Олег Летягин. Выходит, мы с вашим внуком тезки. Очень приятно.

Он развел руки, держа папку на отлете. Кораблева хотела спросить, откуда ему известно про Олежку, но сдержалась. В этом не было никакого смысла. Она ничего не хотела выяснять, ничего не хотела знать. Ей хотелось лишь одного: поскорее прижать внука к себе и удостовериться, что с ним все в порядке.

– Пойдемте, – пригласила она, наклонив голову. – Во дворе есть стол. Там нам будет удобно.

– Не сомневаюсь, – заулыбался Летягин.

Прежде чем последовать за хозяйкой, он бросил взгляд на игрушки, разбросанные в песке. Его улыбка при этом сделалась только шире.

Добро с кулаками

Женя Артемов терпеть не мог работ на даче, которые называл каторжными. Сам поселок ему тоже не нравился, сколько ни пытались родители убедить его в обратном. Пока в институте шла учеба, еще можно было как-то отвертеться, ссылаясь на зачеты и семинары, но летом такие номера не проходили.

– Побудешь сегодня муравьем? – спрашивал отец, и Женька неизменно отвечал согласием.

Это было чем-то вроде их пароля, секретного кода, часто вырабатывающегося у людей близких, у которых много общего, в том числе и воспоминаний. Еще совсем маленьким услышал Женька рассказ отца о муравьях и заявил, что тоже хочет быть муравьем. Почему? Да чтобы пользу приносить. Кому какую конкретно – тогда это не имело значения. Теперь тоже. Какая разница – пилить, копать или сколачивать? Главное, что польза родителям приносилась, а свободное Женькино время таяло без следа.

Но он не возражал. Не потому, что побаивался отца или был безвольным. Нет, характер у парня был как раз достаточно твердый. Просто сложилось так, что отец был Женьке лучшим другом, взрослым и очень надежным. А что за дружба, если не помогать друг другу?

Вот и сегодня Женька перенес свидание с Ленкой на вечер, погрузился в семейный «Фольксваген» и укатил за город. До обеда они с отцом успели зацементировать площадку перед сараем и покрыть лаком решетки на окнах, чтобы не ржавели. За обедом, с аппетитом уплетая мамину стряпню под развесистой черешней, мужчины степенно обсуждали план дальнейших действий, а хозяйка следила за ними, чтобы вовремя предложить, подать, придвинуть.

– У Кандыбиных беда, – сообщила она, когда муж и сын принялись за ледяной компот с фруктами. – Мне Филимониха рассказала, когда я к ней за яйцами ходила.

Женя с отцом одновременно посмотрели на третью по счету крышу, торчащую над бахромой зелени. Серая, чуть замшелая, она так примелькалась, что стала невидимой. Но не сейчас.

– Опять Пашка дебоширил? – предположил Степан Игнатьевич, орудуя ложечкой в чашке, вылавливая оттуда вишни.

– Хуже, – ответила Лидия Ивановна. – Он своих топором зарубил.

– Что? – Женька замер со сливовой косточкой во рту.

– Топором зарубил, – повторила мать. – Напился и...

– Придурок. – Отец швырнул чайную ложку на стол. – Говорил ему: допьешься до белой горячки. Да с такими бесполезно говорить.

Женя выплюнул косточку и помолчал, отстраненно прислушиваясь к разговору родителей. Павел Кандыбин не вызывал у него ни страха, ни сочувствия, ничего. Обычный алкаш в растянутой футболке и неизменной сигареткой в гнилых зубах. А вот жену и дочку было жалко. Неужели это правда? Еще в прошлую субботу Женька видел всех троих живыми и здоровыми, а теперь никого нет. Все кончилось для Кандыбиных. Кто в тюрьме сгниет, кто в земле, какая разница. Зачем жили? Поесть-попить, потрахаться – и фьють? Глупо. Ох, как глупо.

– Пойдем заканчивать, пап, – окликнул Женька, у которого пропало настроение. – Я пораньше уехать хочу.

– С Леночкой пойдете куда-нибудь? – фальшиво спросила мать.

Отец фыркнул. Какой дурень попрется гулять с девушкой, когда квартира ночью свободна?

– Ага, – кивнул Женька, не поднимая глаз. – В кино.

– Вот и правильно, – сказала мать. – Фильм хороший?

– Не знаю. Мы же не видели пока.

– А как называется?

– «Любопытная Варвара», – пришел на выручку отец.

Женька преувеличенно громко расхохотался и поспешил сменить тему. Когда он завел разговор про бокс, в котором Лидия Ивановна ничего не понимала, она стала рассеянно слушать, больше любуясь сыном, чем вникая в смысл его слов.

Женька был красивым, высоким и умным, но, по мнению матери, слишком уж худеньким. Заставить его нагулять жирок никак не получалось, потому что, набрав хотя бы килограмм дополнительного веса, он сразу принимался бегать и плавать, а рацион сокращал больше обычного, так что терял уже не кило, а полтора или два. Глаза он унаследовал от матери: яркие, зеленые, с небольшой косинкой. А лицом Женька пошел в отца: такая же прямая линия лба и носа, квадратная нижняя губа и круглый подбородок, только всему этому не хватало пока массивности, солидной мужской основательности.

Мать надеялась, что Женька заматереет, когда женится на хорошей хозяйке, шустрой не только в постели, но и на кухне. Лена Белова, с которой сын встречался, на эту роль явно не годилась. Такая же долговязая и худая, что свидетельствовало об отсутствии у нее кулинарных пристрастий. Воображение Лидии Ивановны рисовало совсем другую невестку: маленькую, сдобную, веселую, с задорными ямочками на щеках. И чтобы волосы у нее были светлые и мягкие, в отличие от проволочных Ленкиных кудрей ржаво-ржаного цвета. Девушку, способную накормить, обогреть, окружить домашним уютом и нарожать кучу милых ребятишек. Лидия Ивановна все чаще мечтала о внуках. Ей в голову не приходило, что жить ей осталось всего ничего.

Степан Игнатьевич тоже не задумывался о скорой кончине. В свои пятьдесят с лишним лет он был еще полон здоровья и сил. С женой спал регулярно, в больницу дороги не знал, зубами грецкие орехи грыз, под хорошую закуску мог пол-литра уговорить в одиночку, а наутро, не жалуясь на недомогание, заниматься обычными делами и выглядеть как огурчик.

Между тем он, как и его супруга, доживал последние часы. Кто знает, как распорядился бы он ими, зная правду? Завещание бы написал? Поговорил бы по душам с сыном? Жену бы приголубил? Посидел бы в одиночестве на берегу, любуясь озерной гладью и подставляя лицо горячему, ласковому солнцу? Наверное, всем этим Степан Игнатьевич и занялся бы, и еще сотней других важных вещей. Но, поскольку смерть его в свои планы не посвящала, решил он починить электропроводку, которая в сырую погоду искрила, выбивая предохранительные пробки. Женька же по его просьбе занялся натягиванием проволоки под виноград, а Лидия Ивановна накинулась с тяпкой на сорные ростки в грядках.

Так и работали все втроем, пока во дворе не объявились непрошенные гости. Было их трое. Довольно юный бизнесмен приятной наружности, крепкий молодой человек в рубашке поло, подчеркивающей его рельефную мускулатуру, и мужчина постарше, примерно одного с хозяином возраста, кавказских кровей, щетинистый, кудлатый, кривоногий, со жгучим взглядом и орлиным носом.

– Добрый день, – поздоровался от имени всех бизнесмен с папочкой. – Я Летягин, вы меня должны помнить.

Женя недоуменно уставился на отца, но тот, к его удивлению, кивнул. Мать тоже не выглядела растерянной.

– Мы же уже сказали вам, Олег... – Она подняла брови. – Простите, не помню вашего отчества.

– Можно просто по имени, – скромно улыбнулся Летягин.

– Вы напрасно приехали, – подал голос отец. – Зря себя утруждали.

– Мы ничего не делаем зря, – заверил его кавказец, изъясняющийся почти без акцента, но как-то очень отрывисто и нервно.

Мускулистый мужчина молчал, только смотрел Женьке в глаза, неизвестно чему усмехаясь.

– Мы решили, что вы могли передумать, – сказал Летягин.

– Нет, – отрезал Степан Игнатьевич. – Выход сами найдете?

– Степа! – одернула его Лидия Ивановна, показывая своим видом, что ей стыдно за несдержанность мужа.

– Ого! – тихо прокомментировал мускулистый.

Не сводя с него глаз, как драчливый кот, завидевший противника, Женька мягко шагнул вперед. Кулаки у него были большие, костистые, твердые. И не раз проверенные в деле.

Летягин как бы не замечал нарастающего напряжения. Жестом конферансье он развел руки в стороны, держа заветную папку наотлёт. Полы его пиджачка разошлись, давая возможность полюбоваться кургузым галстуком, не достающим до пояса низко сидящих брюк.

– Я привез хорошие новости, – воскликнул он радостным тоном. – Покупатель поднял цену за ваш дом вдвое. Это хорошие деньги.

– Очень, – подтвердил кавказец, постаравшийся при этом лучезарно улыбнуться, но не слишком удачно.

– О чем идет речь? – спросил Женька у родителей, хотя продолжал при этом смотреть на мускулистого мужчину, который представлялся ему куда более важным персонажем, чем сам оратор.

– Мы сыну не говорили, – пояснила мать с извиняющимися интонациями в голосе.

– Ничего, – заверил ее мускулистый, глядя на Женьку. – Дело поправимое.

– На месте вашего поселка предполагается возведение совсем другого, – охотно заговорил бизнесмен. – Элитного. Решение согласовано с городскими властями.

– Строить вы будете? – спросил Женька.

– Нет конечно. – Летягин пожал плечами. – Мы выступаем посредниками. Скупаем землю и недвижимость по поручению заказчика.

– Я так и думал.

– Это что-то меняет? – спросил мускулистый.

– Предлагаю не тратить даром время, – вмешался Степан Игнатьевич, который до этого взял паузу, давая сыну возможность разобраться в ситуации. – У нас много дел.

– Деловые какие, – обронил кавказец.

Его тихая реплика была услышана.

– Так, – сказал Женька, выдвигаясь вперед. – На выход, граждане посредники. Дача не продается, вы слышали? Все, до свиданья.

– А вот ваши соседи оказались более благоразумными, – сказал Летягин, не двигаясь с места. – Многие из них уже получили деньги на руки и теперь тратят их, как им заблагорассудится. Почему бы вам не последовать их примеру? – Летягин повел перед собой указательным пальцем. – Все равно эта земля будет продана.

– Хватит упираться рогом, – вставил мускулистый.

– Они просто цену себе набивают, Бакс, – поделился с ним соображениями кавказец.

– Как бы чего другого не набили, – осклабился Бакс.

Плохо они знали Артемовых. Мужчины в этом роду всегда отличались упрямством, только усиливающимся по мере давления.

– Вам сказано: проваливайте, – повысил голос Женька и, преодолев расстояние, отделяющее его от пришельцев, схватил кавказца за предплечье.

А это уже была ошибка с его стороны. Русик был не самых горячих южный кровей, но и унижения терпеть не привык. Подтолкни его к калитке Степан Игнатьевич, он ограничился бы словесным предупреждением. Однако его держал какой-то щенок, у которого еще усы толком не росли!

Вырываясь, Русик сделал резкое кругообразное движение рукой. Освободиться-то он освободился, но на излете она задела Женьку по носу. Решив, что кавказец перешел в атаку, тот, не задумываясь, двинул кулаком в щетинистую физиономию.

Удар получился очень удачным и в то же время неудачным, это с какой стороны посмотреть. Костяшки Жениных пальцев соскользнули с переносицы Русика, воткнувшись в глазницу. Боль была такая, что он на мгновение потерял голову, схватил первый попавшийся предмет и огрел им обидчика.

Вернее, попытался огреть.

Женька успел пригнуться, пропуская над собой тяпку, которая описала над его головой дугу, но его даже не задела.

Неудовлетворенный промахом, Русик махнул мотыгой в обратном направлении. Ладонью он зажимал поврежденный глаз, поэтому действовать пришлось одной рукой, что привело к совершенно неожиданному результату.

Скользкое древко вырвалось из пальцев. Медленно крутнувшись в воздухе, тяпка врезалась в Лидию Ивановну, чудом успевшую вскинуть руки, чтобы защитить лицо.

– Ай! – вскрикнула она, получив ощутимый и крайне болезненный удар деревяшкой по обоим локтевым костям.

Этого Степан Игнатьевич не стерпел. Решив, что кавказец умышленно запустил тяпку в жену, он ринулся в бой.

– Тихо, тихо! – забормотал выросший у него на пути Бакс.

Он прекрасно владел собой и хотел всего лишь предотвратить столкновение, однако и это движение Степан Игнатьевич расценил по-своему.

Детство его прошло в рабочем поселке, где драться учились раньше, чем читать и делать многие другие вещи. Не замедлив бега, а лишь сменив на ходу ногу, он боевито боднул Бакса в лицо.

Тот с размаху сел на грядку. Его гнусавое ругательство потонуло в истошном визге Лидии Ивановны, увидевшей, что Русик теснит Женьку, орудуя кулаками так стремительно, что их почти не было видно.

Но ее сын был не из тех, кто дает себя в обиду. Поднырнув под руками противника, он сошелся с ним вплотную. Приподнятый за ремень, кавказец потерял опору под ногами. Инстинктивно придерживаясь за Женькины плечи, он почувствовал, как его круто разворачивают вокруг оси и отпускают.

Пролетев метра два, Русик грохнулся на низкий заборчик, ограждающий клубничную плантацию от дорожки. Острые колышки, вонзившиеся в бедро и бок, заставили его взвыть.

Его крик утонул в потоке ругани катающихся по земле мужчин. Верх взял Бакс, сумевший свалить Семена Игнатьевича, когда тот пытался проскользнуть мимо, чтобы прийти на выручку сыну. Покряхтывая от вожделения, он стал наносить размашистые удары в голову поверженного противника. Женька сшиб его пинком в ухо, а к месту схватки уже спешила Лидия Ивановна, вооружившаяся кривыми секаторными ножницами и зачем-то жестяной лейкой.

Только тогда опомнился Летягин, который все это время лишь безмолвно наблюдал за сражением, не веря своим глазам и не зная, как исправить ситуацию, вышедшую из-под контроля.

– Прекратить! – завопил он, выпучивая глаза. – Прекратить немедленно!

Не удовлетворившись окриками, он перехватил и остановил Русика, рвущегося поквитаться с Женькой, а потом повис на мускулистой руке Бакса, взволнованно нашептывая ему что-то на ухо.

Лидия Ивановна тоже сменила воинственное поведение на миролюбивое, успокаивая своих мужчин и призывая их прекратить драку.

По прошествии минуты все четверо противников пришли в себя и смогли оценить ситуацию трезвым взглядом. Самым непримиримым остался Русик, крупный нос которого увеличился в размерах вдвое и не переставал сочиться красным. Женька хоть и рвался отстаивать честь семьи кулаками, но уже не пытался освободиться от отцовской хватки или обогнуть мать, отделяющую его от пришельцев. Самыми спокойными выглядели Бакс и Степан Игнатьевич, заставившие себя обменяться несколькими дежурными вежливыми фразами. Летягин, тот даже выдавил из себя улыбку, но, уходя, был бледен той нехорошей восковой бледностью, которая присуща мертвецам или смертельно больным людям.

Оставшись одни, Артемовы переглянулись.

– Н-да, – пробормотал отец виновато. – Наломали дров.

– А пусть не лезут! – задиристо отрезал Женька. – Еще раз сунутся, я им головы поотрываю.

– Ой, не нравится мне это, – пожаловалась мать, разглядывая синяки, оставшиеся на руках. – Соседи, наверное, видели все. Стыдно в глаза смотреть будет.

– Успокойся, ма. Нам стыдиться нечего, не мы первые начали. – Женька вопросительно взглянул на отца. – Па, не возражаешь, если я сегодня закруглюсь? После такого стресса много не наработаешь.

– Да у меня самого все из рук валится. – Степан Игнатьевич раздраженно распрямился над поваленным заборчиком. – Поезжай, сынок. Развейся как следует. Забудь все, что здесь было. Плюнь и забудь, вот так. В жизни надо не назад смотреть, а вперед, иначе будешь как та кошка, что свой хвост ловит, все по кругу да по кругу.

Что касается самого Артемова-старшего, то ему уже недолго оставалось землю топтать: ни по кругу, ни по прямой, вообще никак.

Разборки на «Олимпе»

Во времена давние, смутные, прозванные в народе «лихими девяностыми», каждый серьезный бандит стремился обзавестись таким особняком, чтобы подвал имелся – поглубже и побольше. В таких подвалах пытали, убивали, насиловали, темницы устраивали, было где разгуляться. Некоторые даже семейные склепы сооружали или захоронения с безымянными могилами. Было время. Но все это осталось в далеком прошлом.

Никита Петрович Котов предпочитал вести сугубо городской образ жизни, яркий, насыщенный, с обязательными посещениями концертов, театров, ресторанов и различных светских тусовок, преподносимых общественности под разными пикантными соусами. В свои шестьдесят с небольшим лет он не собирался сидеть бирюком в глуши, развлекаясь охотой, фейерверками и верховой ездой по округе. У него были другие запросы, а свои запросы Котов привык удовлетворять. Любые.

Он был статен, величав, седовлас, перенял из кинофильмов достаточное количество барских манер, умел носить смокинг с бабочкой, сочетая его с аристократическим перстнем, что выглядело на этом человеке не смешно и не нарочито, а очень даже значительно.

Жизненный путь Котова был подробно расписан в нескольких уголовных делах, одни из которых внезапно закрывались, а другие доводились до логического конца в суде, где пару раз он получил большие сроки, вылившиеся, правда, в смехотворно кратковременные отсидки с условно-досрочным освобождением за примерное поведение, трудолюбие и активное сотрудничество с администрацией. Все это Котов расценивал как досадные эпизоды бурной молодости и уголовным прошлым своим не бравировал, а, напротив, старался его затушевать и даже вовсе вытравить из биографии. Времена откровенного бандитизма давно закончились. Деньги делались теперь по-другому, капиталы сколачивались грандиозные, так что рэкетом, крышеванием и грабежами занималась полиция, тогда как большим бизнесом занимались большие люди, с серьезными связями и высоким социальным статусом.

Был Котов лидером организованной преступной группировки, а ныне стал политиком. ОПГ, конечно, частично сохранил, разбросав бойцов по разным фирмочкам, спортивным обществам и охранным агентствам. Самые надежные и проверенные работали в службе безопасности компании «Стройинвест», негласно принадлежащей Котову, хотя учредителями и владельцами значились совсем другие люди. Что касается его политической деятельности, то она заключалась в регулярном избрании и переизбрании Котова народным депутатом местных советов или кем-то в этом роде, что не суть важно. Собственной партией он пока не обзавелся, в столицу не рвался, так что имел возможность наслаждаться жизнью.

Она у Котова была красивая, требующая немалых расходов.

Его апартаменты занимали весь верхний этаж самого современного и высокого здания города. Выражаясь по-современному, это был пентхаус. Не нью-йоркский, конечно, но все же.

Котов жилищем гордился. Из окон двадцать третьего этажа небоскреба «Олимпийский» открывался великолепный вид на город и окраины, подернутые романтической завесой смога. С южной стороны просматривался тот самый дачный поселок, где происходили события, описанные в предыдущих главах. Котов туда переезжать не собирался. Как уже отмечалось, он был приверженцем городского образа жизни. Проект с возведением элитного загородного жилья был затеян исключительно с целью наживы.

С подачи влиятельных знакомых скупить земельные участки за чертой города не составило труда. В конце года туда планировалось подвести воду, газ и мощную линию электропередач, а до тех пор земли требовалось окончательно очистить от всякого человеческого сора.

Раз в месяц Котов отчитывался о проделанной работе перед партнерами, которые сами ворочали слишком большими делами, чтобы снисходить до подобных мелочей. Это было

несколько унизительно, но зато его взяли в долю, и это был первый случай, когда Котов сблизился с олигархами областного масштаба, и, чтобы остаться в клубе, нельзя было ударить лицом в грязь.

Вот о чем размышлял Котов, пока делал вид, что любит закатом, раскинувшимся над крышами родного города. Его заведенные за спину руки слегка шевелились, как будто он намыливал на пальцы некие невидимые нити. Вместо пиджака на Котове была короткая шелковая куртка с витыми шнурами, что придавало ему сходство с отечественным помещиком или иностранным аристократом из кино про давние времена.

За спиной Котова стояли пять мужчин, старавшихся не нарушить тишину ни неосторожным движением, ни дыханием. Олег Летягин, закончивший доклад несколько минут назад, избегал смотреть на двух товарищей, о которых, собственно, и шла речь. Драка на дачном участке была слишком серьезным проколом, чтобы о ней умолчать. И Баксаков по прозвищу Бакс, и Руслан Гидраиров, известный как Русик, понимали это, но все равно злились на заложившего их бизнесмена. Он-то выйдет сухим из воды, а что будет с ними? В какую причудливую форму выльется хозяйский гнев?

Помимо этих троих уже знакомых нам персонажей в большой, почти пустой комнате находились еще двое мужчин, одетых в свободные черные брюки, тонкие черные водолазки и мягкие туфли. Волосы обоих были тщательно зачесаны наверх и смазаны, чтобы блестели и не распадались. Это были личные телохранители Котова, имевшие за плечами и боевой, и бандитский опыт. Выражение их лиц было скупающим. Оба примерно догадывались, чем закончится сегодняшний разбор полетов.

А вот Котов еще не принял окончательного решения.

Его взгляд рассеянно скользил по желто-оранжевому небосводу с причудливыми фиолетовыми и багровыми облаками. Глядя на небо, Котов никогда не вспоминал о Боге, хотя любил порассуждать о нем под хороший коньячок или водочку.

Вечернее зарево постепенно угасало, подобно прогоревшим дровам в камине. В темных домах засверкали, переливаясь, угольки далекого света. То были окна десятков, сотен, тысяч квартир, за которыми жили своей будничной жизнью люди, проделывая все то же самое, что всегда. Большая часть их верила, что они, если и умрут, то лишь на время, чтобы воскреснуть опять и заняться привычными делами. И будут все дружно пялиться в телевизор, бранить детей, ругаться друг с другом, печь пирожки, поедать их, пить пиво и кефир, курить на балконе, смотреть картинки в интернете, болтать по телефону, стирать, дремать, просыпаться и снова пялиться в электронный экран.

Когда электрических огоньков за панорамным окном стало достаточно много и Котову надоело наблюдать, как они мигают и переливаются, он медленно повернулся к приближенным.

– Ну и что прикажете с вами делать? – спросил он у троицы, вернувшейся с задания. – Давайте, давайте, предлагайте, я слушаю.

Он сделал подбадривающий жест.

– Простить, – буркнул Баксаков.

– Простить? – переспросил Котов.

Голос у него был звонкий, легко срывающийся на фальцет и тогда почти не отличимый от женского.

– Больше не повторится, Никита Петрович, – промолвил смиренно потупившийся Летягин.

– Они сами начали, – сказал Руслан. – Подтверди, Бакс.

– Русик правду говорит, – кивнул Баксаков. – Сынок Артемовых первый залу... это, задираться начал.

Котов не терпел сквернословия от подчиненных, и они прекрасно знали это. Но ни Бакс, ни Русик, даже не по годам умный Летягин не могли взять в толк, отчего это потемнело и нахмурилось лицо их босса.

– Первый, второй, – с досадой произнес Котов. – Здесь вам не детский сад.

Все трое дружно опустили головы, тогда как на губах телохранителей появился намек на улыбку.

– Вы мне лучше другое скажите, – продолжал Котов, прохаживаясь перед своим небольшим строем. – Вы что же, и при посторонних свои *погоняла* называли?

Имелись в виду клички, конечно. Переглянувшись, Русик и Бакс дружно покачали головами:

– Нет, папа. Не безмозглые ведь.

Но Котов смотрел не на них. Его глаза были устремлены на замаявшегося Летягина. Бегающий взгляд юного бизнесмена высказал то, что отказывались признавать виновные.

– Не называли? Русик? Бакс? – Котов остановился, хищно подавшись вперед. – А? В глаза смотреть, в глаза! – Он показал пальцем на свою переносицу. – Не называли? Отвечаете? А если завтра менты мне ваши кликухи поганые назовут? А? А?

Котов ткнул перстнем в физиономию одного, потом другого. Бушевал он картинно, напоказ, но злость его была неподдельной. Он не мог допустить, чтобы парочка придурков подставляла его, выставляя в неприглядном свете перед высокопоставленными партнерами. В денежном выражении подобная «засветка» стоила пару тысяч баксов, не больше, но репутации Котова она могла нанести непоправимый ущерб. Вот в чем состояла главная ошибка подчиненных. Но имелась еще одна.

Котов остановился перед Летягиным и вкрадчиво осведомился:

– А скажи мне, Олежка, как ты считаешь, после сегодняшнего эти Артемовы еще станут разговаривать о продаже дачи? Или намертво упрутся, из принципа? А? Отвечай.

– Упрутся, Никита Петрович, – выдал из себя несчастный Летягин.

– Можно их... того, – предложил Бакс. – Мы с Русиком оформим, без премиальных.

Котов помолчал, обдумывая предложение. Да, от Артемовых придется избавляться. Многовато смертных случаев в бизнес-проекте, но за такие вещи старшие товарищи укорять не станут. Грубо, зато эффективно. Как говорится, лес рубят, щепки летят...

Вместе с дровосеками.

Многолетний опыт Котова говорил о том, что от черновых исполнителей необходимо периодически избавляться, поскольку эта шелупонь рано или поздно начинает зарываться и попадает. Похоже, пришел черед Русика и Бакса. Тем более что они сами дали повод.

– Ты сам, Бакс, справишься, – сказал Котов, мягко отступая на два шага. – Русик не нужен больше. Совсем.

Баксаков заглянул в глубину хозяйских глаз: правильно ли истолковал высказанное пожелание. Кавказец сделал то же самое. Мгновенно поняв, что означали слова Котова, он наклонился, выхватывая из-под штанины нож. Баксаков, слегка присев на одной ноге, впечатал подошву в лоб бывшему напарнику. На месте зрачков Русика образовались две белые полосы. Не выпуская из рук ножа, он стал клониться вперед.

Не теряя времени, Бакс ткнул его локтем в затылок, позволил упасть, добавил и вопросительно посмотрел на Котова.

Поощрительно улыбнувшись в усы, тот оттопырил большой палец и развернул его вниз, как римский сенатор, наблюдающий за поединком гладиаторов. Бакс послушно навалился на противника, просунул руку под его щетинистым подбородком и стал выворачивать голову назад, стремясь сломать шейные позвонки.

Прежде чем перейти на предсмертный хрип, Русик успел издать страшный горловой крик, но Котов и бровью не повел: создатели пентхауса позаботились о звукоизоляции. Вот в

чем было преимущество резиденции на верхнем этаже: жильцы снизу не подозревали о том, что творилось у них над головами, а выше уже никого не было. Наличие отдельного лифта и свои охранники в холле обеспечивали Котову полную конспирацию. Хоть оружие наверх провози, хоть трупы выноси, ни одна собака не пронюхает.

– Готов, – доложил Бакс, пружинисто распрямляясь.

После схватки его мускулатура выглядела особенно рельефной под тесной спортивной рубашечкой. Борясь за жизнь, Русик умудрился порезать Баксу ляжку, и теперь оттуда сочилась кровь, оставляя круглые выпуклые капли на сверкающем полу. Сам покойник еще подергивал одной ногой и пускал изо рта розовую пену.

– Уберите, – негромко скомандовал Котов.

Если Бакс решил, что это был приказ навести в комнате порядок, то он здорово ошибся. Зато телохранители в одинаковых черных водолазках все поняли правильно: недаром они сопровождали хозяина неотлучно, как тени.

Бакс и опомниться не успел, как получил мощный разряд тока в шею, после чего забился в судорогах, не в состоянии оказывать сопротивление, несмотря на всю свою физическую силу.

– Добавьте, – тихо сказал Котов. – Но так, чтобы больше не оклемался. В щитовой есть силовой кабель... ну, вы знаете.

Бандиты синхронно кивнули. Недавно они уже проделывали подобную процедуру. Тело потом подбросили в трансформаторную будку, накачав спиртом.

Пока они выносили бьющегося в конвульсиях Бакса, Летягин обнаружил, что давно уже не стоит, а сидит на первом подвернувшемся кресле. Он инстинктивно добрался сюда, сообразив, что ноги его больше не держат. Но одной этой меры предосторожности было маловато. Перед глазами Летягина плавало темное облако, слышал он плохо и боялся грохнуться в обморок. Очнешься, а у тебя оголенный конец кабеля в зубах...

Пошевелив отяжелевшим языком, Летягин решил, что в состоянии говорить, а потому должен что-то сказать.

– Никита Петрович, – пьяно произнес он.

– Решил, что теперь твой черед? – весело полюбопытствовал Котов, опускаясь на белый кожаный диван и раскидывая руки по спинке. – Не бойся. Я против тебя ничего не имею. Ты хорошо работаешь.

– Спа... – протолкнул Летягин сквозь пересохшую гортань.

Это означало «спасибо», разумеется.

– Не за что, – великодушно произнес Котов. – Как думаешь, к Артемовым стоит еще разок подкатить?

Летягину очень хотелось соврать, что он сумеет уломать несговорчивых владельцев дачи, но он нашел в себе мужество покачать головой.

– Нет, Никита Петрович. Бесполезно. Они теперь из принципа продавать не станут. Назло.

– Тогда обойдемся без них, – сказал Котов, подождав, пока смолкнет отдаленный вопль. – Сегодня этими старыми пердунами займутся, а заодно и документы поищут. Как правило, их хранят на даче. Учет и контроль.

– Бывает и дома, – возразил Летягин, постепенно обретающий уверенность в том, что прямо сейчас его убивать не станут.

– Бывает. Но проблемы будем решать по мере их поступления.

– Как скажете, Никита Петрович.

– А скажу я так, – решил Котов, подвигав усами из стороны в сторону. – Езжай-ка ты, дружок, домой и выпишь как следует, а то глаза запали, как у наркомана подзаборного. Ты, случайно, дурью не балуешься?

Не в силах вымолвить ни слова, Летягин только вытаращил глаза и молитвенно прижал ладони к груди.

Удовлетворенный, Котов махнул на него рукой и отправился смотреть на ночной город. С верхушки «Олимпа» он казался лежащим у ног.

Ночные новости

Фильм им не понравился. Такое впечатление, что создатели специально надергали отрывочных кадров, чтобы не дать возможности заметить изъяны компьютерной графики. Сюжет оказался настолько запутанным, что пересказать его, наверное, не сумели бы и сами сценаристы. Актёров вполне можно было заменить на любых других, без всякого ущерба для зрелища. Одним словом, выходя из кинотеатра, зрители жалели о потраченных деньгах и времени.

– Давай в кафе посидим, – предложила Ленка, когда они прошли по ночной улице, приходя в себя после мелькания красок и рева стереодинамиков.

– Дома все есть, – сказал Женька.

Ему не хотелось в кафе. Он и в кино бы не пошел, по правде говоря, предпочтя сразу затащить подругу в постель. Не то чтобы он не уважал ее как человека, но у человека этого были такие великолепные формы, что душа и интеллект отступали на задний план. Разве Женька был виноват, что его больше тянуло к Ленкиному телу? Он просто голову терял, когда дело доходило до главного.

Она была натуральная блондинка, если вы понимаете, что это значит. Очень бледная и нежная кожа, светлые волосы, голубые глаза. Одета, Ленка казалась худоватой, но на самом деле кости у нее нигде не выпирали, груди тяжело ложились в ладони, сзади было за что подержаться. Она отдалась Женьке на первом же свидании и не отказывала ему впоследствии, но он успевал изголодаться даже за день разлуки, не говоря уже о неделе.

Ленка работала в каком-то конструкторском бюро, а жила в съемной квартире с двумя подругами, так что уединиться на ее площади удавалось крайне редко. Финансовые возможности не позволяли Женьке снять другую квартиру или заканчивать свидания в гостиничном номере, так что секс между ними был нерегулярным и беспорядочным, как только что просмотренный фильм про вторжение инопланетян.

В первый раз все произошло у Женьки дома, причем в присутствии родителей, за дверью, конечно, но все равно не в одиночестве. Они зашли как бы попить кофейку и согреться после прогулки по зимнему городу, а закончили тем, что закрылись и присосались друг к другу губами так, что не оторвешь. Возня с тугими Ленкиными колготками чуть не свела Женьку с ума, но он справился, и, как выяснилось, эта процедура заняла времени больше, чем само таинство любви. Однако этого и Ленке хватило, и Женьку впечатлило.

Последующие свидания где только не проходили, всех мест и не упомнишь. А вот чтобы понежиться в постели, никуда не спеша, не опасаясь звук лишний проронить, такое случалось редко. Услышав предложение сходить в кафе, вместо того чтобы сразу отправиться домой, Женька даже расстроился, хотя старался не подавать виду. Сначала кино это дурацкое, теперь продолжение культурной программы, которое неизвестно на сколько растянется. Это означало, что Ленка никуда не спешит, думал Женька, потому что хочет его не так сильно, как он ее. Догадка была подобна занозе, засевшей в душе: не то чтобы больно, но отмахнуться не позволяет, постоянно тревожит, напоминая о себе.

В кафе Женька не расслабился, а, наоборот, сделался очень даже напряженным. Денег не жалко, было жалко времени. И обида на Ленку разрасталась все сильнее, находя для этого множество поводов и зацепок. Почему она так долго смотрела на того парня с молнией на черепе? С кем без конца обменивается короткими телефонными сообщениями? Зачем заказала столько ломтей пирога с разными начинками, которые и вдвоем не осилить? Может, все это затеяно специально, чтобы не оставаться с Женькой наедине?

Не слишком старательно поддерживая разговор, он начал нарочито зевать, прикрывая рот ладонью. Расчёт был прост. Ленка спросит, что с ним, а он скажет, что хочет спать, и они уйдут наконец из этого чертова кафе. Но Женька плохо знал женщин.

– Я вижу, тебе со мной скучно, – процедила Ленка, откладывая надкушенный пирог с черникой.

– Нормально, – пожал плечами Женька.

Она прищурилась на него поверх стакана:

– Что значит, нормально?

Будь у него опыта побольше, он поспешил бы заверить ее в своей любви, но Женька, как уже отмечалось, не знал многих тонкостей обращения со слабым полом, да и вообще не любил кривить душой.

– Нормально – это нормально, – сказал он. – Хотя пироги так себе.

– Пироги, – пробормотала Ленка. – Пироги, значит.

– Но мы же сюда ради них приперлись?

– А я думала, мы сидим общаемся.

– Общаемся, – согласился он без энтузиазма.

– Но тебе это не нравится, как я посмотрю.

Наивный Женька решил, что настал момент высказать свои претензии прямо и откровенно.

– Я думал, мы ко мне пойдем, – сказал. – А ты: кино, кафе... Зачем? Родители ведь не каждый день на даче ночуют.

– А-а! – протянула Ленка. – Вот ты о чем! Тебе бы только трахаться, как кролику, а как личность я тебе не интересна!

Женьке абсолютно все не понравилось в этой тираде. И тон, каким это было произнесено. И неуместное сравнение с кроликом. И то, что подруге даже в голову не пришло понизить голос, в результате чего взгляды всех немногочисленных посетителей кафе скрестились на них.

– Черт знает что болтаешь, – пробурчал он, ощущая, как его лицо и уши наливаются жаром.

– А ты мне рот не закрывай! – отрезала Ленка.

Она хотела остановиться, но не могла. Месячные застали ее врасплох. Она подозревала, что сзади на ее джинсах образовалось пятно, и не знала, как выйти из положения. Сообщать Женьке об аварии не хотелось, потому что мужчинам совсем не обязательно знать некоторые подробности. К тому же в настоящий момент он не вызывал ничего, кроме нарастающего раздражения.

– Что с тобой? – спросил Женька с искренним удивлением.

Это немного отрезвило ее.

– Кажется, я простудилась, – сказала она. – Холодно. Я домой хочу.

Он кивнул:

– Конечно. Я тебя отвезу.

– Я сама. – Вызвав такси по телефону, она попросила: – Жень, дай мне свой джемпер, пожалуйста. Мерзну я. – Ленка положила ладонь на лоб. – Совсем расклеилась.

Женька засуетился, не зная, как и чем помочь подруге. Джемпер, пристроенный у него на спине на манер короткого плаща, переключал к Ленке, которая ловко повязала его на талии, после чего уже не села, а задвинула стул под стол и направилась к выходу, объявив на ходу:

– Тут душно. Я такси на улице подожду.

«Должно быть, она и в самом деле заболевает, – подумал обеспокоенный Женька. – Сама не знает, холодно ей или жарко».

Расплатившись, он вышел из кафе и едва успел попрощаться с Ленкой, которую забрала машина с декоративной телефонной трубкой на крыше. Стало грустно и одиноко.

«Лучше бы я на даче остался, – решил Женька, шагая по улице, залитой ночными огнями. – Пообщались бы с папой по-мужски, наливочки бы выпили. У отца что-нибудь и

покрепче нашлось бы. А потом спать на балконе, и море звезд, и все такие яркие, такие близкие. Теперь сиди один в четырех стенах, как граф Монте-Кристо».

Чтобы скрасить себе вечер, Женька завернул в супермаркет, пересчитал украдкой оставшиеся деньги и набрал разноцветных бутылочек со слабоалкогольными напитками: желтая, голубая, зеленая, красная, почти белая. К ним прибавил пару пакетиков с орешками, две дешевые сигарки с пластмассовыми мундштуками и картонку кефира на утро. На этом финансовые накопления были исчерпаны, но было уже все равно. Раз уж предстоит одиночество, то нужно постараться сделать его максимально приятным.

Последующие два часа Женька последовательно вредил своему организму алкоголем, никотином и пережаренным, пересоленным арахисом. Чтобы усугубить степень своего падения, он включил не компьютер, а телик и отыскал какой-то низкопробный сериал про бравых ментов-полицаяв, которые, не щадя живота своего, сражались с бандитами, но никак не могли досражаться до того, чтобы искоренить бандитизм подчистую. Это было тем более странно, что закон и сила были на стороне полицаяв, связанных круговой порукой, способных закатать любого в тюрьгу, подбросить подозреваемому наркоту.

Как выходило так, что бандиты постоянно брали верх? А потому что шла игра в поддавки. Собирая с преступников дань, полицейские уж точно не были заинтересованы в их уничтожении. Они бегали, стреляли, строили умные физиономии, но все оставалось по-прежнему. К обоюдному удовольствию противоборствующих сторон.

Примерно на середине неизвестно какой серии Женька отрубился прямо перед мерцающим экраном, даже не выключив звук. Проснулся ровно в час ночи, как будто в грудь толкнули, оставив слева неприятное тяжелое чувство. Женька тупо уставился на диктора местной телекомпании, уныло бубнящего никому не интересную сводку новостей. Пахло прогорклым сигарным дымом, в неверном свете экрана поблескивали бутылки. Женька взял одну, допил последние два глотка.

Он вспомнил, что ему приснилось. Во сне его разбудила мать. Она растормошила Женьку, крича ему в лицо: «Проснись, посмотри! Проснись, посмотри! Жень, Жень!» Она была насмерть перепугана и, кажется, плакала. Отец стоял за ее спиной, почти неразличимый во мраке. Он молчал, но явно тоже хотел, чтобы сын проснулся и увидел.

Что?

Холодея, Женька уставился в телевизор.

– А теперь немного криминальной хроники, – сказал ведущий, показывая лицом, что говорить об этом не хочется, но придется.

Дальнейшего Женька не слышал. Он как бы лишился всех органов чувств, кроме зрения. Сидел и смотрел.

Показывали *их* дачу. Он узнал ее, несмотря на призрачное голубоватое освещение и множество посторонних людей. Возле крыльца лежали два продолговатых предмета в черных блестящих мешках. Оживленная девушка указывала на них и что-то тараторила в микрофон. Отдельные слова достигали сознания и тонули там, почти не успевая приобрести смысл.

Опьянение... меры предосторожности... угарный газ...

Женька поднялся на негнущиеся ноги и, переступая по-журавлиному, подошел к зазвонившему телефону. Официальный скучный голос удостоверился, что говорит именно с Евгением Степановичем Артемовым, после чего сообщил о гибели его родителей и пригласил завтра утром на опознание в городской морг.

– К девяти подъезжайте, – сказал голос. – Там и побеседуем.

– Побеседуем, – тупо повторил Женька. – О чем?

– Вы не поняли, Евгений Степанович? Ваши родители...

Голос стал повторять уже сказанное. Зря он старался. Женька все прекрасно понял. Его родителей убили те, кому они отказались продавать дачу. Вероятность того, что они перебрали

наливки и забыли открыть заслонку в камине, была равна нулю. Зачем бы они стали разводить огонь в такую теплую ночь? Да еще легли спать, закупорив окна и дверь. Чушь, чушь, чушь!

– Чушь, – произнес Женька резиновыми губами.

– Простите? – переспросил следователь.

Кажется, его фамилия была Деревянко. Откровенничать с ним Женька не собирался. Он не мог доверить месть за родителей так называемым стражам закона. Уголовное дело для них – лишь повод *срубить бабла по-легкому*. Стоит указать на подозреваемых, как полиция примутся прессовать их, вымогая деньги. Получат свое и отстанут. А трупы останутся.

Трупы родителей. Папы и мамы.

Из горла парня вырвался короткий рыдающий звук. Он замолчал, прикусив губу. Следователь, не дождавшийся внятного ответа, вздохнул:

– Я где-то вас понимаю. И сочувствую, да. Но мы обязательно должны встретиться. В девять возле входа в морг, не забудете?

Возле входа в морг.

– Такое не забывается, – сказал Женька.

Отключил телефон и повалился на диван плакать.

Услуга за услугу

Он подъехал с опозданием на пять с половиной минут, заставив Ангелину хорошенько понервничать. Подъехал и встал бампер к бамперу с выключенными фарами, а потом внезапно врубил свет на полную мощность.

«Придурок, – подумала Ангелина, прикрывая глаза от слепящих лучей. – Неудивительно при его профессии. Они все там, наверное, психопаты».

Выбравшись из машины, она сердито хлопнула дверью. Фары погасли. Ночь и тишина укутали ее темным теплым коконом. Звезды и луна были такими далекими, такими нездешними, что выглядели не имеющими никакого отношения к происходящему внизу. Что, впрочем, соответствовало действительности.

Ангелина переплела внезапно озябшие руки под грудью. Если не считать ювелирных украшений, то на ней было лишь тонкое платье, еще более тонкие трусики и легкие летние сапоги с открытыми пальцами и дырчатыми голенищами. Стриглась Ангелина коротко по бокам и сзади, а косо срезанная черная челка доставала ей до подбородка, закрывая один глаз, когда было лень или не хотелось убирать волосы. Сейчас выдался именно такой случай.

Из подъехавшей машины вышел человек среднего роста, одетый во все темное. Походка его была плавная, как будто немного замедленная, смотрел он прямо на Ангелину, однако она была готова поклясться, что глаза его устроены таким необычным образом, что видят не только ее, но и окружающую обстановку.

– Привет, – сказал он, остановившись на расстоянии двух шагов.

Голос невыразительный, почти скучный, расслабленный, как и сам мужчина. Ангелина попыталась определить его возраст и не сумела. С одинаковым успехом ему можно было дать как тридцать пять, так и пятьдесят лет. В черных волосах ни намек на седину, но складки на лице глубокие, прочерченные раз и навсегда, очень прямо и решительно.

– Добрый вечер, – сказала Ангелина. – Вы Юрий.

– Да, – подтвердил он, сопровождая ответ легким наклоном головы. – Так меня и следует звать.

Она посмотрела на номерной знак его машины.

– Запоминать циферки не имеет смысла, – сказал он. – Я часто их меняю.

– Как и имена? – спросила она.

Он помолчал, пожал плечами и сказал:

– В данный момент я Юрий Ярышников. Не сомневайся.

– Я не сомневаюсь, – пробормотала Ангелина. – Мы уже на «ты»?

Спокойный, прямой взгляд Юрия смущал ее. У него были очень светлые глаза. Словно серебряная луна отражалась в них, хотя его лицо находилось в тени.

Они встретились на строительной площадке, примыкающей к новой объездной дороге. Автомобилей было мало. Они выныривали из мрака и снова пропадали в нем, оглашая ночной воздух шипением. Стоящий неподалеку грейдер напоминал доисторического ящера, приготовившегося к прыжку.

– Тебя смущает моя фамильярность? – спросил он, приблизившись еще на шаг.

Она подождала, пока проедет шумная фура, и сказала:

– Меня трудно смутить.

– Это хорошо, – одобрил Юрий. – Почему Ангелина, а не Анжелика?

– Тебя это не касается.

Ее называли так в честь прабабушки по материнской линии, которая умерла давным-давно. А бабушку похоронили только вчера. Бабушку убили.

– Характер показываешь? – усмехнулся Юрий. – Это лишнее. Я знаю, что ты резкая.

– Откуда? – поинтересовалась Ангелина.

– Руководишь большой компанией, два раза разорялась и опять начинала сначала. Отси-дела месяц в следственном изоляторе. Мужа и бывшего партнера засадила на десять лет. Детей нет. Любовника нет. Зато есть бизнес, который нужен тебе, чтобы доказать...

– Что доказать?

Юрий бледно улыбнулся:

– Что ты можешь. Что одна не пропадешь.

Она отрицательно помотала не столько головой, сколько свисающей на глаз челкой.

– Мне никому не нужно ничего доказывать.

– Врешь. Нужно. Себе самой. В этом мы похожи.

Некоторое время Ангелина молчала, провожая взглядом пассажирский автобус, таинственно светящийся в ночи. Ей всегда казалось, что в таких автобусах едут очень счастливые люди. Цель известна, маршрут проложен. Не о чем беспокоиться, незачем переживать. Тепло, уютно, спокойно. А тут стоишь рядом с прирожденным убийцей и не знаешь, что ему взбредет в голову в следующий момент.

Ангелина посмотрела на Юрия и увидела, что он тоже наблюдает за ней. Его глаза серебрились.

– Страшно? – спросил он.

– Мне бояться нечего. – Она пожала плечами. – Тебе деньги нужны, а не я.

– Ты уверена?

Они посмотрели друг другу в глаза. Чтобы видеть лучше, Ангелина заправила волосы за ухо. Но распознать стоящего напротив мужчину все равно не получалось. Он принадлежал к неизвестной ей породе. О его существовании поведал ей под страшным секретом один партнер, который потом целую неделю выпрашивал, не сболтнул ли он чего лишнего по пьяни. Ангелина его заверяла: нет, ничего такого. Но канал связи с профессиональным киллером на всякий случай запомнила. И вот пригодилось...

– Давай перейдем к делу, – сухо предложила Ангелина. – У меня мало времени.

– Хочешь сказать, что тебя кто-то ждет? – насмешливо спросил Юрий. – В постели с заботливо откинутым углом одеяла?

– Оставь мою постель в покое, понял? Или...

Она повернулась к своей белой «ауди», давая понять, что готова сесть и уехать. Он ее не остановил. Стоял молча и смотрел своими фосфоресцирующими глазами цвета расплавленного свинца.

Ангелина снова развернулась к нему грудью.

– У меня бабушку убили, – сказала она сдавленным, чужим голосом. – Следствие придерживается одной версии: самоубийство. Но она не могла вот так просто взять и повеситься.

– Такое случается, – сказал Юрий.

Она яростно помотала головой, отчего черный клин снова упал на ее глаз.

– Только не с ней. Я была у нее за несколько часов до смерти. Мы пили чай и обсуждали, что и как нужно перестроить. Бабушка была бодрая и веселая. Она въехала на эту проклятую дачу только месяц назад и была полна планов.

– Дача? – спросил Юрий, давая понять, что этот момент следует объяснить подробнее.

Ангелина пристроила ягодицы на капот своей машины, но, почувствовав кожей холод металла, снова выпрямилась.

– Бабушка прожила в деревне последние двадцать лет, – заговорила она, когда наконец нашла место рукам, опустив их так, чтобы сцепленные ладони защищали самое уязвимое ее место. – В последнее время она начала сдавать, и я просто побоялась оставлять ее одну за сотни километров. Но переезжать в городскую квартиру бабушка наотрез отказалась. Настаивала, что привыкла проводить время на свежем воздухе, копать в земле, питаться дарами природы...

– И ты купила ей дачу, – перебил Юрий, которому, по всей видимости, надоело слушать столь долгое вступление.

– Да, – подтвердила Ангелина.

Хотела сделать это с вызовом, но голос ее упал.

– Вiniшь себя теперь?

Избегая смотреть в устремленные на нее глаза, она перевела взгляд в небо. Как много звезд! В городе как-то забываешь об их существовании.

– Дача находилась на земельном участке, который выкупает по частям фирма «Строй-инвест», – снова заговорила Ангелина, медленно и размеренно. – Там собираются возводить элитный поселок. А нынешние дачники мешают проекту.

Она удивилась тому, как отстраненно звучит ее голос.

– Их заставляют продавать дома и огороды, – догадался Юрий и подступил ближе, дожидаясь ответа.

Ангелина крепче стиснула пальцы сведенных вместе рук. Ее соски затвердели. Становилось прохладно.

– Да, – подтвердила она. – Некоторые соглашаются, некоторые нет. До того, как случилась беда, я не думала, что все так серьезно.

– Почему не пытаешься сама поквитаться? – спросил Юрий. – Вроде на тебя не похоже.

– Беспредел в поселке устроили люди Котова, – сказала Ангелина, испытывая почти непреодолимое желание передвинуться, чтобы не находиться так близко от этого мужчины.

Его брови приподнялись.

– О! – коротко воскликнул он.

– Что, не пойдешь против него?

– Мне все равно, против кого идти, – заверил Юрий. – Лишь бы платили.

– Деньги не проблема, – сказала Ангелина.

– Не проблема, – согласился он, задрал голову к небу. – Но не у всех они есть.

– У меня есть.

– У меня тоже.

– То есть ты отказываешься.

Как только Ангелина закончила реплику, Юрий перевел взгляд на нее. В нее словно из двух стволов выстрелили. В упор. Серебряными пулями.

– Нет, – сказал он. – Но заплатишь ты не деньгами.

– А чем? – спросила она, похолодев еще сильнее, хотя ночь была все же летняя.

– Ты знаешь, – сказал Юрий.

Между ними повисла пауза, ощутимая, как стена.

– Ты хочешь... – Ангелина не договорила.

– Тебя, – бесстрастно сообщил он.

– Не проще купить себе женщину?

– Я покупаю не какую-то там женщину, – объяснил Юрий. – Я покупаю тебя. Конкретно.

– Бартер? – Она заставила себя презрительно усмехнуться.

– Можно и так сказать. Натуральный обмен. Услуга за услугу.

Ангелина вспомнила лицо бабушки, вытасченной из петли. Такое не забывают. И не прощают.

– Договорились, – сказала она.

Ей не пришлось вести мучительную внутреннюю борьбу. В принципе, Юрий ей нравился. Он во многом соответствовал ее представлениям о том, как должен выглядеть и вести себя мужчина. Его нахальная самоуверенность немного раздражала, но с мямлями и рохлями Ангелина вообще не могла общаться.

– Тогда давай уточним наши запросы, – сказал Юрий. – С меня только Котов?

– Нет. – Она повела головой из стороны в сторону. – Я хочу, чтобы ты очистил поселок от всей плесени. Чтобы этот сброд туда дорогу забыл. И чтобы больше никому не пришлось в голову продолжать дело Котова.

– Большая предстоит работа, – покивал Юрий, задумчиво кривя губы. – Даже не знаю... Кровь отхлынула от головы Ангелины так резко, что у нее потемнело в глазах.

– Чего ты не знаешь? – спросила она, видя не собеседника, а лишь один только его силуэт.

– Я намеревался обменять голову Котова на три ночи с тобой, – произнес он. – Но, учитывая твои пожелания, это будет неравноценный обмен.

Ангелина сглотнула. Кровь вернулась обратно, обдав лицо внутренним жаром. «О господи, – подумала она. – Мы торгуемся о том, на какой срок я себя продаю. Мне должно быть стыдно и противно».

Но ей не было ни стыдно, ни противно.

– Сколько ты хочешь? – спросила она.

– Я закончу дело, и мы поедем с тобой отдыхать, – сказал Юрий. – Недельки на две. А до этого аванс. Небольшой. Согласна?

– Как ты собираешься достать Котова? – задала встречный вопрос Ангелина. – У него целая армия охранников, и он почти все время отсиживается на верхнем этаже «Олимпийской» высотки. У него там и офис, и квартира.

– Я сделаю так, что он выберется оттуда и приедет на место событий.

– Как?

Юрий пожал плечами:

– Создам проблемы. Это всегда срабатывает.

– Тогда на сегодня все? – спросила Ангелина с надеждой.

Она устала от общения с этим человеком. Не каждый день приходится стоять лицом к лицу с настоящим киллером, который намеревается трахнуть тебя после исполнения заказа.

– Нет, – безжалостно ответил Юрий. – Мне нужна вся информация, которой ты владеешь. И которую сумеешь раздобыть дополнительно.

– Разве это не входит в твои обязанности?

– Когда как. В данном случае – нет.

– Почему?

Он долго смотрел на нее своими ртутными глазами, а потом ответил:

– Потому что ты находишься в безвыходном положении.

Ангелина ответила ему таким же немигающим взглядом.

– С чего ты взял? – спросила она.

– У тебя глаза затравленной лисицы, – сказал Юрий. – К нам однажды в траншею забежала такая, по ней с той стороны из крупнокалиберного били, вот она и спряталась. А тут мы. И наверх уже не выпрыгнуть.

– И что с ней было потом?

– Мой друг ее зарезал ножом. Думал девушке своей шкурку отослать, но мех дрянной оказался. Линяла лиса.

– Поучительная история, – пробормотала Ангелина.

– Рад, что тебе понравилось, – сказал Юрий. – А теперь давай перейдем к твоим историям. Про дачную жизнь, которая, как я понимаю, не всем идет на пользу.

Тут он улыбнулся. Отчего его лицо не стало ни веселым, ни хотя бы просто добродушным. Увидев это, Ангелина окончательно поняла, что обратилась к нужному человеку.

Горек дым сигарет...

Похороны родителей прошли как во сне. Лишь возвратившись в опустевший дом со скромных поминок, Женька в полной мере прочувствовал, что папы и мамы у него больше нет.

Он остался один. Навсегда. Будут другие люди, другие отношения, наверное, семья тоже будет. Но родителей не вернуть. Можно сколько угодно мечтать о чудесах и верить, что они случаются, вот только главного чуда не будет. Смерть забирает любимых людей окончательно и бесповоротно. Точка.

Хуже всего было то, что родители запомнились Женьке не такими, какими были при жизни, а другими, до неузнаваемости изуродованными прикосновением смерти. Равнодушный человек приподнимает край покрывала, предлагает взглянуть, и ты видишь их лица, застывшие, чужие. Маски. Неудачные слепки. Никогда отец и мать не появлялись перед Женькой с такими лицами, никогда не думал он, что увидит на их телах эти безобразные неряшливые швы. Санитар перестарался, демонстрируя трупы. И теперь от этого зрелища не избавиться, оно впечаталось в память намертво.

В своих гробах мать и отец смотрелись немного лучше... Нет, не лучше... Милосерднее, что ли. Такими можно было их как-то принять. Уже без синюшной одутловатости, потрясшей Женьку в морге. Одетыми, с чинно сложенными на груди руками. Но все равно это были не они. Тех, прежних, Женька оставил на даче одних, укатив в город, чтобы всласть потрахаться с Ленкой. И когда они сидели в кафе, родителей, возможно, уже убивали. А когда он потягивал на диване сладкое пойло из бутылочек, они были мертвы.

Женька предполагал, что если провести экспертизу по всем правилам, то выяснится, что в крови отца и матери содержались не какие-то там несчастные промилле алкоголя, а сильнодействующее снотворное. Их усыпили, прежде чем устроить им газовую камеру в закрытой комнате с камином. Или же банально оглушили.

Но свои догадки Женька держал при себе. Он решил так еще в ночь смерти родителей и не собирался отступать от задуманного. Он знал, кто убил его родителей, или, как минимум, был причастен к этому. И собирался лично отомстить убийцам. Не знал только, как приступить к исполнению приговора. В состоянии ступора он не мог заставить себя встать и начать собирать вещи для переезда на дачу. Сидел дома и часами слушал одну и ту же песню, скачанную из интернета.

Пел парень лет тридцати пяти, длинноволосый, с красивым, но каким-то уж слишком отрешенным лицом, каких не бывает у тех, кому суждено дожить до старости. Песня ложилась на Женькину душу, как будто была сочинена по его заказу. Там был другой сюжет, но смысл и эмоции – те же самые.

Сегодня горек дым сигарет
И муторно смотреть на белый свет,
Давно
не веселит вино.
Займите, парни, на билет.
Я не был дома долгих девять лет.
Бог мой,
я так хочу домой!

Неровные строчки звучали нервно, в мерном бое гитары чудилось что-то роковое.

Я доказал им, что завязал.

И вот ночной вокзал, пустынный зал.
Вагон.
Тяжелый, мутный сон.
От полустанка шагал пешком
То лесом, то лужком, то бережком.
В душе
я дома был уже...

Пришла Ленка, чмокнула в щеку, состроила скорбную мину, стала расспрашивать, что да как. Женька пожал плечами и отключил паузу, запуская балладу дальше. Пусть Ленка тоже послушает. Может, тогда поймет, что и как?

Вот у калитки один стою
И проклинать себя не устаю.
Свой дом
я узнаю с трудом.
Он нежилой, он нем, он глух, он слеп.
Он неживой совсем, уже не дом, а склеп.
К крыльцу
Иду, как к мертвецу.

И тут певец взял на октаву выше, срываясь на фальцет, такой же пронзительный, как вскрики и стоны соло-гитары.

Добро пожаловать, сыночек, в гости.
Ну открывай же, выдирай же гвозди.
Ты не писал нам столько зим и столько лет.
А мы все ждали-ждали, не дождались,
А нам бы подождать еще хоть малость...
Сил не осталось, извини, нас нет.

Ленка повернулась к Женьке, намереваясь что-то сказать, но он предостерегающе поднял палец. Слушай, мол, сейчас самое главное будет. Инструменты заиграли тише, голос певца вновь пытался звучать равнодушно, отстраненно, хотя это у него получалось плохо.

Сковало сердце точно льдом.
Кому теперь он нужен, мертвый дом?
Все в нем
Гори теперь огнем.
День, вечер, ночь – и вот рассвет.
Отец и мать сквозь дым глядят мне вслед.
Они
Кричат мне «извини».

Песня оборвалась так неожиданно, что оба вздрогнули, словно мчались на своем диване неведомо куда, а потом вдруг остановились, да так, что трянуло.

– Сильно, – сказал Женька. – Сильно, да?

– Я шансон не очень, – сказала Ленка. – Поставить чай? Я пирожные принесла. Заварные, свеженькие.

Он встал, выключил компьютер, затем подошел к окну. По неизвестной причине ему было проще общаться с Ленкой не оборачиваясь, стоя к ней спиной.

– Я сегодня вещи буду собирать, – сказал он. – Поедешь со мной?

– Развеяться? – обрадовалась она. – Вот и правильно, давно пора. Конечно поеду. Видишь, даже не спрашиваю куда. Как ниточка за иголкой. – Ленка помолчала и, вопреки своему же утверждению, поинтересовалась: – А куда мы едем?

– На дачу, – ответил Женька, внимательно глядя сквозь стекло на улицу, где ничего примечательного не происходило.

Моросил скучный летний дождь, редкие дымные тучи бежали по небу, деревья стояли блестящие, неестественно зеленые. «Мои этого не увидят», – привычно подумал Женька.

– Нужно будет продуктов набрать, – сказал он. – Но у меня башка не варит. Придется тебе командовать.

– На дачу? – переспросила Ленка.

Он обернулся. Кивнул:

– Да.

– Зачем?

– Есть дело, – сказал Женька.

– Нет, Женя. – Ленка встала, подошла, положила ему руки на плечи, заглянула в глаза. – Не надо туда. Там ты будешь все время вспоминать и грустить.

– Я не для того туда еду.

– Все равно. Тебе нужен позитив. Знаешь, когда думаешь о плохом, то притягиваешь к себе разные неприятности. – Ленка развернула к себе голову Женьки, попытавшегося отвернуться. – Нельзя так. У тебя вся жизнь впереди. Думаешь, твоим родителям приятно видеть, как ты страдаешь?

Он косо посмотрел ей в глаза:

– А они видят?

– Конечно, – убежденно произнесла Ленка.

– Сидят на облачке и вниз смотрят?

– Зачем ты так? Ясно же, что мы не умираем насовсем. Это только переход.

– Куда?

– Ну... Это слишком сложный вопрос. По-разному говорят. Нам с тобой рано о таком думать. Потом когда-нибудь, когда состаримся.

– Я не хочу потом, – сказал Женька. – Я хочу сейчас. Моих родителей убили. Их нет, понимаешь? Были, а теперь все. – Он помахал перед собой рукой. – Пусто, никого. И никто на меня не смотрит, не надо тут... цирк из смерти устраивать.

– А вот в Нью-Орлеане... – Ленка сделала интригующую паузу. – Там похороны как карнавалы проходят. Негритянский джаз играет, они веселятся, а покойника бегом на кладбище несут. В знак того, что тяжелая земная жизнь закончилась, а начинается новая. Вот и празднуют.

– Я терпеть не могу джаз. И карнавалы негритянские. У нас тут не Нью-Орлеан.

Женька выругался. Она потребовала, чтобы он при ней не смел этого делать. В принципе, она была права, но не сегодня. Не в эти дни, когда он был по большей части предоставлен самому себе и своему горю.

Отойдя, Женька буркнул, обращаясь к стене или какому-то предмету мебели:

– Ладно, мне собираться надо. Рано утром выезжаю. Дел – во!

Он провел ребром ладони по горлу. Была еще надежда, что Ленка спохватится, предложит помощь, а потом и вовсе вызовется сопровождать его на дачу. Но она этого не сделала. Притворилась обиженной. Так было проще сбежать, предоставив ему самому расхлебывать свое горе. Даже дверью хлопнула, уходя. И это была точка в их отношениях. Женька знал,

что никогда больше не сможет относиться к ней по-прежнему. Вообще никак не сможет относиться.

Вечер прошел уныло. Свет в комнатах был какой-то пыльный, тусклый, по углам клубились тени. Совершая любое простое действие – открывая холодильник, включая телевизор, стеля постель, – Женька не мог отделаться от чувства, что за ним кто-то наблюдает.

Может быть, что-то действительно есть за пределами известного нам мира?

От мысли этой холодок пошел по коже. Женька не переставал любить родителей, но ему было страшно вато представлять себе, что, видоизмененные, они каким-то образом продолжают присутствовать рядом.

Поворочавшись, он отыскал самую уютную и безопасную позу, натянул простыню на голову и оставил снаружи только лицо. Сначала он лежал лицом к стене, но потом решил, что спанье на левом боку может стать причиной кошмаров, и развернулся. Сон поглотил его быстро, как черная трясина. Женьке ничего не снилось. Он просто провалился во мрак, а потом вынырнул оттуда.

Рассеянный лунный свет придавал комнате вид незнакомый и таинственный. Проникая сквозь окно, он оставлял на стене косой светлый прямоугольник. В его верхней части покачивались две странные тени, похожие на человеческие ноги.

Штаны у соседей наверху сохнут? Но откуда у штанов ступни? Почему они скользят вниз? И что это за черная черта между ними?

Подняв голову, Женька увидел снаружи человеческую фигуру, болтающуюся в воздухе. Вот вытянутая нога нащупала подоконник и стала на него. Вот за ней последовала вторая. Отклонившись корпусом назад, человек держался за веревку, уходящую вверх. Ему оставалось взяться рукой за раму открытого окна, подтянуть себя ближе и забраться внутрь.

В том, что это вор, не было ни малейших сомнений. Женька даже знал, зачем явился этот человек, одетый, как хренов Бэтмен, во все черное и обтягивающее. Ему понадобились документы на дачу. Они хранились дома, Женька уже отыскал их и положил к собранным вещам, чтобы захватить с собой. Он прекрасно понимал, какую ценность представляют эти бумаги. Без них земельным участком Артемовых не завладеешь, и тогда убийство было напрасным.

Мысль о родителях обожгла холодом, словно кровь в венах мгновенно застыла, обратившись в лед. Бесшумно и стремительно поднявшись с дивана, Женька бросился к окну.

Рука в черной перчатке уже просунулась с улицы, ощупывая внутреннюю поверхность стены. Подхватив на ходу увесистую вазу с чеканным узором, Женька изо всех сил хватил ею по черным пальцам.

Вскрикнув, черный человек отдернул руку и повис на своем тросе, раскачиваясь в метре от окна на высоте восьмого этажа. Держался он только одной рукой, поскольку удерживался на карабине, пристегнутом к поясу со шлеей, пропущенной между ногами.

Сообразив, что он обнаружен, человек поспешно схватился за механизм карабина. Понимая, что обратно наверх ему взобраться не дадут, он решил спускаться вниз.

Вжик, и черная фигура исчезла из виду. Но Женька не растерялся. Упав животом на подоконник, он дотянулся до троса и схватился за него обеими руками.

После нескольких рывков из стороны в сторону грабитель превратился в живой маятник. То ли карабин его заклинило, то ли трос был слишком коротким, но спуск прекратился на уровне шестого этажа. Задрал голову, он протестующе вскрикнул.

Это не остановило Женьку. Он продолжал раскачивать трос, стараясь придать висающему телу траекторию, параллельную стене дома. С седьмой или восьмой попытки удалось ударить черного человека об угол выступающей вперед лоджии.

Еще раз и еще!

Наконец болтающееся на веревке тело врезалось в стекло, обрушившееся вниз со страшным грохотом. По-видимому, грабителя оглушило, потому что он перестал держаться, обмяк и перевернулся вниз головой.

Не теряя времени даром, Женька стал подтягивать его к себе, намереваясь затащить грабителя в комнату и задать ему пару вопросов. Но, как выяснилось, у того имелся напарник, дежуривший на крыше. И в его планы не входило пленение верхолаза. Трос просвистел сквозь обожженные Женькины кулаки и скрылся в темноте. Привязанный к нему человек бесшумно полетел вниз, ударился о следующую лоджию, крутнулся тряпичной куклой и – шпок! – врезался в асфальт, расплывшись там черной кляксой, плоской, как ночная тень.

Первым побуждением было побежать на крышу – ловить второго злоумышленника, однако Женьке хватило ума остаться дома. Вряд ли эти двое пошли на дело без оружия. К тому же по соседству уже загорались окна и звучали встревоженные голоса. Скоро весь подъезд поднимется по тревоге, а Женька не собирался признаваться в содеянном. Утром, когда оперативники начнут обход квартир, выясняя, кто что видел и слышал ночью, он заявит, что спал беспробудным сном.

Приняв такое решение, Женька выключил свет и осторожно посмотрел вниз. Вокруг лежащего тела уже стояли люди с мерцающими телефончиками в руках.

«А ведь я только что убил человека», – подумал Женька и ничего не почувствовал. Просто он не считал убитого человеком, вот в чем дело.

Не зажигая света, он покопался в отцовской одежде в прихожей и обнаружил то, что искал: одинокую открытую пачку сигарет, опустошенную примерно наполовину.

– Вот как значит, папа, – прошептал он, вытирая скулы, мокрые от слез. – Обманывал меня, да? Ну ничего, я тоже тебя обманывал...

Примерно месяц назад оба Артемовых решили бросить курить. Одновременно, чтобы легче было. Женька несколько дней продержался, а потом стал тайком покуривать, один, два, три раза в день. При этом он подозревал, что отец занимался тем же самым. Они как бы заключили тайный договор не выслеживать друг друга, остерегаясь в основном маминого острого глаза и сверхъестественного обоняния. Такие вот детские хитрости.

Докурив до половины, Женька обнаружил, что сигарета намокла и расплзлась посередине. И вкус у нее полынный: горький-прегорький.

Временно недоступна

Прежде чем созвать совещание, Ангелина попросила сделать ей кофе. Обычно она пила кофе в «Макдоналдсе» по пути на работу, но в последнее время изменила привычке. Слишком вкусные круассаны там пекли, слишком пахучие. Никакой силы воли не хватит, чтобы отказаться. Даже если ты дала себе зарок сбросить килограмм за неделю.

Попивая кофе, Ангелина просматривала папку с документами на подпись. В офисе бесшумно работал кондиционер, все блестело и сияло. Много лет ушло на то, чтобы стать обладательницей всего этого: современного кабинета, фирмы с десятком сотрудников, дорогой машины, большой квартиры в центре. Не хватило времени только на создание семьи. Бывший муж обманывал, воруя деньги со счетов и тратя их на своих баб. Слава богу, детьми не обзавелись, которые спрашивали бы сейчас: «Где папа?»

Где-где – в Караганде!

В дверь постучали.

– Войдите, – сказала Ангелина, не отнимая чашку от губ.

Это был главный торговый менеджер Харитонов, которому она недавно дала, вернее, которого взяла от скуки. С тех пор Харитонов возомнил, будто представляет собой какую-то особую ценность для начальства. Вот и сейчас приперся, хотя все сотрудники знали, что по утрам Ангелину Антонову беспокоить нельзя. Свободный доступ в ее кабинет начинался часов с десяти, после того, как она делала традиционный обход офиса: вот она, мол, я, можете общаться.

Харитонов вошел неестественной походкой человека, который хочет казаться уверенным, но на самом деле вынужден преодолевать робость. Послать его сразу подальше или выслушать? Любопытство оказалось сильнее раздражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.